

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона*

Суккубы

Дионисий Самуилович сидел в кресле и смотрел телевизор. Входная дверь хлопнула, и через минуту в соседнем кресле материализовался Никифор. Художник глянул на него и опять уставился в телевизор.

– Ну, как все прошло? – поинтересовался он, не отрываясь от экрана.

Никифор пододвинул свое кресло поближе к камину, кинул в него поленце, дунул на угли. Вокруг поленца заплясали желтые язычки.

– Как всегда, батюшка, безукоризненно. Не считая того, что клиент, кажется, совсем сдурел и приревновал меня к своей женщине. Меня к женщине – это же придумать надо!

– Никакой я тебе не «батюшка». И вообще, я же тебя не называю «нечистью» и не кричу «изыди».

– Не кричишь потому, что знаешь, что я никакая не нечисть и никуда не «изыду». А ты хоть и без прихода, но все-таки поп, и нечего этого стесняться.

Эта перепалка шла как-то вяло, без накала. Было заметно, что подобные фразы произносились с обеих сторон неоднократно. Никифор протянул к огню руки, а Дионисий продолжал смотреть концерт.

– А что Галина? – опять спросил художник.

– Нормальная баба с устойчивой психикой. Верит во все, что надо. Телевизор смотрит. Икс-файлы всякие. Наверное, будем привлекать, – ответил Никифор.

* Продолжение. Начало в кн. 64, 65.

В аквариуме громко хлюпнуло. Большой губастый рыб в синюю блестящую выпрыгнул из воды и стал прыгать в луже на полу. Никто не бросился его спасать. Никифор пробормотал какое-то иностранное ругательство, вылез из кресла и пошел на кухню. Когда он вернулся с тряпкой на швабре, вместо рыбки на полу сидела совершенно голая роскошная блондинка и принимала эффектные позы. Распущенные льняные волосы касались пола.

– И что, Галина лучше меня? – поинтересовалась она, откинув плечи и повернувшись в профиль.

– Офрим, встань из лужи – дай я вытру. Тебе мало рыбой прикидываться – тебя еще и в русалки тянет. Еще хвост себе отрасти из задницы, – оценил ее прелести Никифор.

– Мальчики, вы все такие грубые, – сделал обиженный вид Офрим и опять полез в аквариум, по дороге уменьшаясь в размерах. Там он, не меняя человеческого вида, отрастил вместо ног хвост и устроился на листе эхинодоруса.

Никифор вытер лужу у аквариума, отнес тряпку на кухню и опять устроился у камина, протянув к огню руки.

– Кстати, встретил я наемни двух вот таких красавиц, – кивнул головой джинн в сторону аквариума.

– Что в аквариуме плавали? – рассеяно спросил художник.

– Нет, очень даже на суше, хотя от моря недалеко, совсем не далеко – буквально на пляже.

– Любишь ты телок по пляжам снимать, никак не угомонишься. Третью сотню разменял – и туда же.

– Ну, да хорошие девочки попадают – грех пропускать. Особенно на спецплощадках. Как то нудистский пляж. Приходят себя демонстрировать. Мол, вот какая я вся без комплексов.

– Я о твоих подвигах наслышан, и не в последнюю очередь ты тут из-за разных красавиц околачиваешься. И если ты собираешься поведать мне еще одну историю из этой серии, то мог бы найти слушателя и благодарнее.

– Дионисий, ты ханжа, как и все попы!

Художник собрался возмутиться.

– Но, – Никифор продолжил, – дело не в этом. А в том, что на пляже «Дельфин» я встретил двух очаровательных девушек, которых и подцепил. Кто кого подцепил – это еще вопрос,

потому что они пытались подцепить буквально каждого и вели себя крайне неприлично. Мне это показалось странным, и мы провели незабываемую ночь на троих.

– Ты собираешься описывать в деталях?

– Нет, процесс не так захватывающ, как финал.

– Ну, конечно.

– Старый пошляк.

– Помоложе тебя.

– Так вот финал оказался несколько неожиданным для нас всех. Эти фемины оказались суккубами на задании и, выполнив его, решили немного поразвлечься.

К этим словам Никифора художник проявил живейший интерес. Даже отвернулся от телевизора и теперь сидел в кресле боком, рассматривая джинна у камина.

– И каково же было их разочарование, – продолжал дальше Никифор, – когда карты были раскрыты.

– Ну, ну, – прервал его эффектную паузу Дионисий.

– Мне сразу кое-что показалось странным.

– Что именно?

– Ну, понимаешь, две женщины и один мужчина – это же соперницы, если они не питают нежной симпатии друг к дружке. А мужчина им нужен для разнообразия. А тут ничего такого. Между собой у них никаких нежных чувств, и тем более действий. И весь свой энтузиазм они обе направили на меня.

А ты же знаешь, что для нас главное доставить партнерше радость, всяческий экстаз и прочий кайф, за что и ценимы. От этого мы получаем удовольствие многократно большее, потому что чувствуем и за них, и за себя. Ну, там еще отъём жизненной энергии, но это вторично. Кгм.

Так что, женщина без оргазма нам то же самое, как плов твой, если его никто не ест.

– Знаю, знаю. Так что дальше?

– И тут я заметил, что приемы и методы, а главное – цели у нас одни. Я доходчиво излагаю?

– Да уж.

– И каждая сторона пытается довести противоположную до оргазма. Такого альтруизма у дам подобного рода я не замечал.

Тут я для чего-то посмотрел на их поле. Посмотрел и стал хохотать. Представь, две клевые телки, вот с такими сиськами, меня ублажают по-всякому, а я хохочу.

– Ну и?

– Тебе рассказать, что они еще выделявали?

– Оставь при себе эту ерунду. Кто это был?

– Я же тебе уже сказал – суккубы. Вот уж я потешился, глядя на их рожи. Они от неожиданности даже перестали форму подерживать. У одной сиськи отвисли до земли, а у другой...

– Это неважно. Откуда они взялись?

– Говорят, туристы. Тоже мне секс-тур. Но я им не верю.

Редькин

На две недели Редькин запретил себе даже думать о лампах и своем неудачном предприятии. Он даже спрятал лампу с глаз долой, и каждый час с удовольствием напоминал себе, что даже не вспоминает ни о каких брошках.

В этот вечер Борис Александрович ужинал, смотрел телевизор и слушал свою супругу. Мумочка рассказывала о своем походе в эзотерический клуб и о новой подруге Галине, которая живет с ними в одном доме. И о молодом человеке этой подруги, который нашел себе очень странную работу. Он по ночам наливает масло в керамические светильники. Это занятие Галине не нравится и Мумочке, пожалуй, тоже.

– Вот со светильников, пожалуйста, поподробнее, – вдруг сказал Редькин, хотя можно было бы подумать, что он по привычке совершенно не слушает супругу.

– Вот я и говорю, Петя наливает масло по ночам. И кому это понравится, чтобы муж дома не ночевал?

– Ну, знаешь, ночные смены бывают на разных предприятиях, на заводах всяких, и жены чаще всего не возмущаются, а уточняют расписание ночных смен – и все.

– Пошлак ты, – взмутилась Мумочка, – то завод, а то невесть что. Вот Петя даже показал место – жилой дом, подвал. Галочка, конечно, ему ничего не сказала, но днем в тот дом зашла. Нет там входа в подвал!

– Однако, – сказал Редькин и задумался. – Может, адрес перепутала? – с сомнением сказал он. – А название фирмы Галочка случайно не говорит?

– Почему же, говорила. И название у них дурацкое: «Иблис» они называются.

– Да, я знаю – это птица такая, – отозвался Редькин. Потом вдруг помолчал и переспросил: – Как-как называется?

– Не ибис, а «Иблис», – поправила Мумочка. – Так Сатану звали до его свержения на землю. Ну и имечко придумали, фу!

– А почему бы нам этих симпатичных соседей не пригласить к нам в гости? В воскресенье, например. Ты бы что-нибудь приговорила. Как ты на это смотришь?

– Я как раз собиралась тебе это предложить, – согласилась Мумочка. – Видишь, у супругов, когда они долго живут вместе, образуется общая аура.

– Может быть, может быть, – согласился Редькин и стал думать и смотреть телевизор, мимоходом вставляя замечания в проект меню.

В следующее воскресенье вся компания сидела за великолепным столом, накрытым по высшему разряду одесской кухни. Вроде бы ничего особенного, но если съесть всего понемножку (если удастся понемногу), то уже встать из-за стола невозможно. Можно только отвалиться.

Редькин ел фаршированную рыбу и не знал, как перевести разговор на интересующую тему о Петинной работе.

Случай подвернулся сам.

– А вот попробуйте вот эти ножки – вдруг предложила Мумочка, видя, что у гостей пустеют тарелки.

– А, жареные ножки, я их люблю, я их тоже жарю, когда я у себя дома, и Галя меня не кормит, – согласился Петя. Галя толкнула его под столом.

– Попробуйте, попробуйте, – настаивала Мумочка, – может, вы такие и не готовите.

Ножки действительно сильно отличались от того, что готовил Петя. От ножки оставалась только кожица и косточка, а внутри была начинка, замечательная по вкусу. Сюрприз удался, но не совсем. Съев ножку, Петя сказал:

– Такое блюдо мы как-то ели в ресторане, но ваше намного вкуснее, замечательно.

– Да, мы последнее время частенько бываем в ресторане, – поддержала его Галина, – с тех пор как Петя стал прилично зарабатывать.

– Насколько я слышал, Петя инженер. И где в наше время инженер может заработать неплохие деньги? Петя, вы подались в депутаты? – пошутил Редькин.

– Представьте себе, нашел работу по объявлению на заборе. Странная какая-то работа, и мне она не нравится, но пока деньги платят... – стала объяснять Галина.

– Что, связанная с разъездами или опасная? – опять спросил Редькин в надежде, что станет отвечать Петя.

– Да нет, обыкновенная, я бы сказал, низкоквалифицированная работа, – теперь стал объяснять Петя. – Я бы на нее не пошел, но деньги нужны, опять же рабочий день четыре часа. Масло я наливаю в баночки, типа керамических ламп. Наверное, ароматизаторы.

– А что за масло? – поддержал разговор Редькин.

– А черт его знает, там названий нет, одни номерки.

– И вам это не показалось странным?

– Показалось, но фирма солидная, психотерапевтическая, я по Интернету проверял: зарегистрирована по всем правилам. А если они мухлюют, то мне об этом лучше не знать. «Как говорил один мой друг, покойник, я слишком много знал...» Исполнитель я.

Дальше разговор пошел о том, что Редькин стал очень хорошо разбираться во французских коньяках, как раз тогда, когда ему запретили пить. И Борис Александрович решил искать утешение в прекрасных блюдах Мумочкиного изготовления.

СОЛОМОН

– И это вы называете хорошо спланированной операцией? Вы клялись вашим креслом, что все продумано до мелочей. Кажется, вашей клятве суждено будет свершиться. Нет, вы не будете уволены, но сидеть за своим столом вы будете на табуретке. Да, на пластмассовой табуретке из дешевого кафе, у которой

подворачивается то одна, то другая ножка. Чтобы ваше положение напоминало вам о бренности существования в этом мире. Да, и вашего существования в частности.

Человек, произносивший этот монолог, был высок и худ. Светлые редкие волосы висели до плеч, а через них проглядывали оттопыренные уши. Большой горбатый нос покраснел и контрастировал с желтой гладко выбритой кожей щек, дряблой и обвисшей. Серые глаза сверлили стоящего перед ним Соломона Давидовича.

– Но ведь мы же все предусмотрели, – мямлил он, заполняя паузы в монологе начальника. – Они же должны были ехать на рыбалку и наехать колесом на люк. Люк переворачивался – я лично проверял. Подняли Петю вовремя, друга ему нашли, чтоб машина была с правым рулем, а таких теперь не так много. КамАЗ шел секунда в секунду, я его лично курировал. Встреча была неминуема.

– Да, работу вы провели огромную, – спокойно подытожил шеф. – Но кошачий чих ей цена, – продолжил он, срываясь на крик. – Вот, посмотрите!

Соломон Давидович вытянулся, насколько ему позволяла фигура, так, чтобы увидеть поверхность начальственного стола, но самому к нему не приближаться. За стеклом как бы в небольшом окошке была видна комната подвала с буфетом и часами. За буфетом сидел Петя и сосредоточенно переливал масло в очередную лампу.

– И ты опять будешь рассказывать об ангеле-хранителе! А откуда он вообще взялся, твой Петя распрекрасный? И не кажется ли тебе, что он нас всех давным-давно раскусил и смеется над нами, из себя идиота строя? Вы думаете, что он на пороге лавочки, а он уже не только за порогом, но и вовсю в вашей лавке хозяйничает.

– Случайность, шеф, чистая случайность! – заторопился с оправданиями Соломон Давидович. – Галка, любовница Петра, ему с утра скандал устроила из-за рыбалки, что, мол, они с другом по бабам едут, а рыбу в магазине потом купят. Пришлось им ее успокаивать и с собой брать, – вот и расхождение во времени, а КамАЗ вовремя промчался километров под сто. И в люк они четко колесом наверху, но уже позже. И дальше потом поехали. Не иначе, ангела работа. Я же предупреждал.

– А часом этого ангела не Галкой зовут? – шеф произнес это так, словно мысль эта ему только что пришла в голову, и он нашел ее очень интересной.

– Через три дня чтоб у меня на столе лежало досье на эту красавицу. И главное: проанализировать причины или сущности, ею руководящие. Приступайте к работе немедленно. Пока еще в своем кресле.

Шеф ухмыльнулся и отвернулся к окну.

Джинны

Была середина дня, хотя для обитателей подвала без окон разница между днем и ночью не была заметна. Все так же горел свет и так же нахохлившись возле стены стоял буфет, выдвинув многочисленные ящики.

Рафл, сняв сюртук с бриллиантовыми пуговицами и закатав рукава клетчатой рубашки, сосредоточенно переставлял заполненные масляные лампы в плоские ящики, сложенные тут же на полу один на один. Заполнив ящик, гуль доставал откуда-то из кармана штанов лучину, причем конец лучины уже тихонько тлел желтым прячущимся в обугленном конце огоньком. Гуль, повернув лучину вниз тлеющим концом, погружал ее в каждую из стоящих рядами в ящике ламп.

В одних лампах ничего не происходило, в других что-то вспыхивало, третьи выбрасывали небольшие клубы пара, в некоторых угадывались чьи-то силуэты и слышалась неразборчивая речь.

Обработанный таким образом ящик Рафл переносил и высыпал в тележку. Тележка была о двух колесах, которые располагались один за другим, как у велосипеда, однако тележка стояла на них твердо и не падала набок.

Вывернув в тележку очередной ящик, гуль услышал шорох осыпающейся штукатурки. Штукатурка на соседней стене почему-то пришла в движение и стала выпучиваться на одном месте. Через пару минут выпуклость приняла форму маски какого-то несимпатичного субъекта с низким лбом и тяжелой челюстью.

Рафл плюнул на большие пальцы рук, подошел к маске на стене и протер ей глаза. За слоем побелки глаза оказались вполне живыми. Они двигались, осматривая помещение, и моргали.

– Значит так: заходи, раз пришел, – сказал Рафл и сделал жест в сторону кресла, а сам уселся на стул, на котором сидел Петя.

За лицом из стены постепенно появилась и остальная фигура небольшого довольно неприятного человечка, одетого в расстегнутую солидную черную кожаную куртку. Под курткой был светло-серый костюм с розовой рубашкой и широким галстуком в белую и малиновую полосу.

Мужчина отряхнул с себя остаток извести и действительно уселся в предложенное кресло.

– А где же человек? – спросил он, оглядываясь.

– Ты бы лучше поздоровался, – ответил ему Рафл, – как из диких земель прибыл! Ни тебе «здрасьте», ни «как поживаете?». Имя свое назвал бы для начала разговора. Это тебе не вулканический остров на краю света. Это вы там привыкли свежую лаву делить, а что не так – сбросишь в кратер и поминай как звали. Тут живут приличные цивилизованные джинны. Меня зовут Рафл. А ты кто такой?

– Я Нефроим из рода Ночных Грызлов. Мы всегда были убийцами, всегда ели человечину и никогда ни за что не извинялись

Прибывший принял грозный вид и подбоченился.

– Можешь мне поверить – я из не менее знатного рода. А кроме того, ты у меня в гостях, так что рассказывай, каким ветром тебя занесло в наш подвал, уважаемый Нефроим.

После того как его назвали «уважаемым», Нефроим немного расслабился, положил ногу на ногу и спросил:

– Я, кажется, действительно попал не туда? Мне нужно встретить одного человека по имени Петя, и мне сказали, что он тут бывает. Мне нужно с ним ненадолго встретиться. Буквально на пару минут.

– Нет, ты попал туда, но не в то время, и это, кажется, тебя спасло, – сообщил ему Рафл. – Какие дела тебя связывают с Петей, я догадываюсь. Но твоя беда в том, что эту короткую встречу ты можешь запомнить надолго, а может, и не надолго. Смотря сколько ты после этого проживешь. Мой друг, а я надеюсь, что

мы не расстанемся врагами, тебе страшно повезло, что ты встретил меня, а не Петю. У меня создается впечатление, что тебя просто подставили.

– Куда меня подставили? – переспросил гость, наморщив свой и без того низкий лоб.

– Те, кто тебя послал, решили избавиться от человека...

– От двух человек, – поправил гуль.

– Даже двух, – принял поправку Рафл, – и заодно от тебя.

– А от меня за что?

– За развоплощение члена царствующего дома.

– Не вижу связи, – пробормотал вконец ошеломленный гуль. – За это, конечно жерла вулкана не избежать, но при чем здесь царствующий дом?

– Тебе ничего не говорит имя Меджид?

– Это который чуть не стал Меджидом II? Племянник нашего повелителя?

– Вот-вот. Видать, ты все-таки не из такой уж глухой дыры явился.

Рафл вспомнил, что сам узнал об этом неделю назад, и поэтому принял еще более умудренный многими знаниями вид.

Повисла пауза. Гуль переваривал полученную информацию, а Рафл держал паузу для драматического эффекта.

– Хорошо, съем я этого Петю, даже с тобой поделюсь – мне не жалко, – наконец сказал гуль. – Меджид выйдет, ну, и уйдет себе куда-нибудь. В личные дела особ царствующего дома я не вмешиваюсь. А почему я знаю, что там вообще кто-то сидит? А Петя мужик молодой и должен быть очень даже ничего.

При этих словах гуль цыкнул левым клыком и пожевал губами, как бы пытаясь что-то распробовать.

– Это ты все будешь рассказывать из сосуда, запечатанного соответствующим образом, – заметил Рафл. – Как только Меджид выйдет, его тут же схватят. Тут кругом сыск. И месть его сторонников найдет тебя, как... ну, в общем, ты сам знаешь, с какой скоростью.

– Если эти плевки вулкана меня действительно подставили, то это им даром не пройдет, – начал кипятиться гуль. – Я что-то начал подозревать, когда попал на эту ужасную бабу. Еле ноги

унес. Ты же знаешь – мы людей едим. Убиваем и едим, но чтобы с такими извращениями, чтобы так издеваться... Говорят, что мы всему людям научили, особенно плохому. Но мне кажется, что они нас давно в плохом превзошли. И признавать нас учителями – это полная клевета на добропорядочных джиннов.

– Погоди, погоди, – прервал его Рафл, – что это с тобой уже успело случиться, что ты так раскалился? Смотри, не расплавься.

– Что случилось? Я тебе говорил, что у меня еще один заказ имеется, – теперь придется отказаться. Не хочу я в этом участвовать. Наверное, меня и там собираются подставить, как ты говоришь.

Гуль вскочил с кресла и стал расхаживать вдоль буфета, заложив короткие ручки за спину. Потом он опять опустился в кресло и, немного успокоившись, начал рассказ.

– Разрешили мне тут у вас схарчить парочку типов. Выдали лицензию – все по форме. Я лицензию зарегистрировал и отправился. Вообще-то, мне это сразу показалось подозрительным. Обычно лицензию на какой-то срок дают, и за особые заслуги, а тут все срочно, мол, горящая она, да и никаких заслуг я за собой не чувствовал.

Пошел я для начала Редькина искать. День белый, жрать охота, а тут Петя в ночную смену работает – ищи его. Прихожу – домина огромный на краю проспекта. Двери стеклянные, и у дверей охранник на меня подозрительно смотрит. Ну, я б его, конечно, уделал! Но велели без шума, и к тому же, кто мне чего скажет вразумительного, если я тут когтем махать начну? Я из той стекляшки вышел, в переулок завернул и костюмчик сменил. Только какая-то бабуля с шавкой от меня шарахнулась – и давай креститься. Вот в таком виде, как сейчас, я туда и попер.

– Ничего так видок – куртка кожаная, костюм, галстук. И правильно, что рожу не рихтовал, только голову побрил и клыки спрятал – очень убедительно получилось. Выражение лица – копия бизнесмен, а ведь родное.

– Ну, я старался, копировал – там в ихнем ресторане их штук десять сидело, было с кого списать. Ладно! Захожу, спрашиваю контору Соломона. Меня в лифт, но я пешком пошел. После той бутылки не люблю я этих самозакрывающихся помещений.

Поднимаюсь на шестой этаж, стучу в дверь. Из-за двери говорят «войдите», и колокольчик на двери звенит. Захожу. Сидит дамочка, знаешь, такая, уже не антрекот, но до холодца еще очень далеко. Вид у нее очень представительный. Спрашивает приятным голосом:

– Вам кто нужен и по какому поводу?

Я ей культурно отвечаю:

– Редькина мне по поводу убийства.

А она мне:

– Редькин будет позже, а убийство – это ко мне. Пока он придет, мы с вами все обсудим до мельчайших деталей. У нас фирма солидная, – то есть, я так понял, фуфла не гонит.

Ничего ж себе, думаю, до чего у людей сервис дошел. Такие дамочки убийствами занимаются. Но, может, она только приемщица. А она мне тем временем:

– И как вы это убийство себе представляете, в какой обстановке?

– Мне, – говорю, – на обстановку плевать, лишь бы не мешали, а я его сам завалю и сам съем. Ну, разве кто-нибудь посторожит, чтобы голову не морочили и не отвлекали.

– Нет, – говорит, – это вам только кажется, что все так просто. Поверьте мне – я уже здесь не первый год сижу. Был у нас такой клиент – аналогичный заказ делал. А как до дела дошло, наотрез грызть отказался – говорит, что забыл, какой у того типа одеколон вонючий. Мне пришлось прямо на месте все переигрывать – и получилось совсем не то! Так вы свою скрытую агрессивность ни за что не разрядите.

Я говорю:

– А чего ее скрывать, эту агрессивность, – нормальное качество для мужика, а разрядится она сама собой за обедом.

Она хихикнула и продолжает:

– Может, мы с вами подумаем, как это сделать красиво, элегантно и получить удовольствие. Например, перед собственно убийством вы могли бы своего противника связать, избить, отпихнуть ногами, повырезать из него кусочки мяса и посыпать раны солью. Если вам это не подходит, мы могли бы еще чего-нибудь подобрать из специальной литературы, – и потянулась к полке с этой самой, я так полагаю, «специальной литературой».

Ну, мне это как-то не очень понравилось – чего над едой изгаляться? Но может, у них, у людей этих, и впрямь какая-то скрытая агрессивность. Я ей и говорю:

– Да не хочется мне его увечить. А вы, барышня не из гулей будете? Уж очень вы во всем этом хорошо разбираетесь.

Она на меня глянула непонимающе и отвечает:

– Да, нет, я только курсы трансактоного анализа и психодраму изучала. Ну, еще немножко психоанализом занималась. А скрытая агрессивность – тема моего диплома.

«Елки-палки, – думаю, – куда я попал?» А она продолжает, листая книжицу, что успела с полки снять:

– Ну, если увечеь вас не привлекает, вы можете, допустим, натравить на него тигров или оставить в морозном лесу и наблюдать, как к нему подкрадываются волки, а он визжит от страха.

– Ага, – говорю, – это хорошо! И они только его грызть, а я раз – и у них его из-под носа утащил. Это хорошо. Это приятная игра.

– Да, – она говорит, – это замечательно. Это значит, что вы не так уж плохо к нему относитесь. Тогда вам, может, не надо его убивать? Вы, допустим, можете заточить его в подземелье. Там его будут кусать крысы и тараканы. Он будет страдать от голода и жажды, сидеть в клетке, не имея возможности разогнуться, и только горестно наблюдать далекий свет солнца в маленьком окошке на вершине башни. И каждый день подземелье будет затопливаться вонючей водой с угрями.

Тут меня просто мороз по коже продрал, как она это сказала. Так нежно и с удовольствием. Это что ж за извращенцы такие, чтобы над хорошей едой так изгаляться? Он же похудеет! И что мне то мясо плохого сделало?

А дамочка добавила:

– А вы будете каждый день приходить и говорить ему, какой он гад и ничтожество, и вы еще не то с ним сотворите.

Я как вспомнил, как сам в бутылке сидел, а голос Соломона мне морали читал – триста лет! Ой, думаю: «А ведь это контора Соломона, пусть и не того – но вон они что вытворяют!». Такой ужас меня пробил. Я ей лепечу:

– Вы меня простите, у меня все время вышло. Я Редькина дожидаться не буду, а на досуге все обдумаю и приду.

И в дверь. А она мне вслед:

– Пожалуйста, пожалуйста, а о пытках огнем вы не задумывались или утоплении? Приходите, пожалуйста, я завтра с двух часов принимаю.

Какое там утопление, мне и подземелья хватило. Я рванул оттуда прямо через все стены города. Это ж кошмар какой! А на вид барышня – мухи не обидит. Ну его в баню, того Редькина, если он таких киллеров нанимает. Жизнь дороже. И вот что я подумал: это же для них не с едой баловство! Это ж они друг друга так. Воистину нет предела гнусности человеческой – а мы их едим! У меня даже аппетит пропал.

СОЛОМОН

Соломон Давидович вдруг проснулся в половине шестого утра весь в поту. Сел на кровати и дернул за шнурок торшера. Часть комнаты осветилась мягким желтым светом. С часов на стене Соломону подмигивала мордочка полосатого кота. Соломон встал и прошлепал босиком к окну. Начинало светать. В темной кроне соседнего дерева подала голос ранняя птишка.

И приснится же такое! Сидит он в своем любимом кресле, а напротив него какой-то тип в шортах и свитере. Особенно запомнились шлепанцы с загнутыми носками, а вот лицо – как темное пятно – ничего не мог вспомнить. Сидит этот тип и с Соломоном беседует. Причем Соломон молчит, а его голосом кто-то другой говорит изнутри. Хочется возразить против такого его использования, но горло не слушается, а тот тип еще и возмущается. Говорит, мол, не мешай приличным джиннам немножко побеседовать. От возмущения Соломон даже проснулся.

Опять ложиться в кровать не хотелось. Он вышел на кухню, налил себе чаю, сел в кухонное кресло и стал думать. В его квартире кресла стояли в каждой комнате, на кухне и даже в коридоре. Потому что Соломон считал, что сидеть без удовольствия – это ничем не оправданный мазохизм. И к тому же препятствует правильному течению мысли.

«Ерунда какая-то, – сначала подумал Соломон, отхлебнув чаю. – А может, и не ерунда? – подумал он затем. – Звонил же кто-то вчера в контору и требовал Омара. А когда я ему сказал, что тут нет никакого Омара, этот гад сказал, чтобы я просто помолчал в трубку – он сам Омара найдет». Тогда Соломон решил, что это приколы какого-то идиота, и трубку положил.

«А может быть, действительно какую-нибудь сволочь подсадили? Мне уже не доверяют? Вполне возможно, – Соломон слишком много знал о своих сотрудниках, чтобы не поверить в такую вероятность. – Но подселиться так нагло, чтобы я даже знал об этом – это верх свинства. Или к моему квартиранту у его друзей есть неотложное дело, и поэтому им наплевать на конспирацию.

А может, это мне только кажется, а сон – реакция на вчерашний дурацкий звонок? Под утро всегда снятся какие-нибудь диковинные сны. Ну что ж, все это надо проверить, надо пронаблюдать за собой. Нет ли в моем поведении чего-то отличного от обычных действий и реакций, чего-то, привнесенного чужой волей? А там посмотрим».

Утро было приятным во всех отношениях. Было не жарко, и свежий ветерок с моря, пролетая над парком, пытался замечать запах выхлопных газов на аромат цветущей акции, что ему частично удавалось.

Соломон Давидович пришел в офис на час раньше обычного. Дома ему не сиделось. Этот день он решил посвятить самонаблюдению и лучшим местом для этого выбрал кресло в своем кабинете.

Прошло два с половиной часа с того момента, как он вскочил в своей спальне. Начал сказываться утренний недосып. Соломон потянулся к кофемашине. Затем, глянув на часы, подумал, что пить кофе в такую рань ему несвойственно. Он пьет кофе в четверть десятого, а кто ж его подталкивает к кофейнику на час раньше? Все-таки решив, что в этом как раз и проявляется индивидуальность его природы, сварил порцию кофе и стал отпивать маленькими глоточками.

В девять часов по коридору простучали знакомые каблучки. В дверь заглянула Марина.

– Доброе утро, – сказала она, – а вчера, когда вас не было, к нам двое из милиции приходили!

– Привет, заходи, рассказывай, не стой в дверях, – пригласил Марину в кабинет Соломон, показывая на стул рядом со своим столом.

Марина села и продолжила:

– Вчера в конце дня пришли двое в штатском и удостоверения показали. Спрашивали, чем наша фирма занимается. Масла ароматические, говорю, индивидуального состава. Лицензию показала. Они взяли пару ламп из нашего демонстрационного фонда и ушли.

– Вряд ли это клиенты, – сказал Соломон, – надо будет выяснить, по какому поводу пожаловали. Кстати, они ничего такого не говорили?

– Очень даже говорили. Сказали, что мы лишились двух клиентов, которые погибли недавно при невыясненных обстоятельствах. Вот они и выясняют.

– А что это за обстоятельства, они случайно не сказали? Что там с этими гавриками произошло?

– Очень даже сказали. Понимаете, они нас ни в чем не подозревают. Одному мужику кто-то откусил голову, напрочь, зубами, прямо в его же офисе. А другого нашли утонувшим по месту жительства. И, представь, не в ванне, а в собственном кресле, с легкими, полными морской воды, а вокруг ни капельки. Как будто воду наливали через воронку. И следов насилия никаких.

– У обоих?

– Да нет! Голову тому типу, видимо, насильно откусили. Смотрела я на его заказ – борьба со львами на арене в Древнем Риме. Но там должно было быть все пристойно. Чик льва по брюху – и домой баиньки. А тут чего-то не получилось.

– А второй?

– А второй, что в кресле утонул, так вообще на персональном облачке на остров летал одалисок щупать. Никаких вредностей для здоровья, кроме полового истощения, и то виртуального. От этого не тонут.

Соломон отхлебнул кофе, глядя в окно на шевелящиеся кроны деревьев сквера на Старобазарной площади.

– Кофе не хочешь? – машинально спросил он и, не дожидаясь ответа, спросил: – А на чем этот хмырь летал, ты говоришь?

– На облачке над морем – он на этом особенно настаивал, чтобы подлет к его заповеднику с красотками был с моря, и облачка.

– Вот в этом море он и утонул, – с уверенностью произнес Соломон. – Вот оттуда и морская вода. Какая неприятность! И что эти Пинкертоны еще хотели?

– Советовались со мной как с психологом. Я им карточки клиентов показала. Официальные, конечно. Один поинтересовался, можно ли ему еще к нам наведаться, если я не возражаю.

– И ты, конечно, согласилась.

– Почему бы и нет – милый молодой человек.

– Вот и назначила бы ему свидание в парке, например.

– В парке я в седьмом классе встречалась.

– Ну, как знаешь, а нам лишний интерес этих бравых органов ни к чему. Спасибо, Мариночка, – подытожил Соломон, – ты все сделала правильно. Кофе хочешь? – спросил он еще раз.

– Нет спасибо, я так рано кофе не пью, а то потом аж до обеда не могу уснуть, – улыбнулась Марина и пошла к двери.

«Что это у нее за мини-трусы просвечивают? – подумал Соломон, проводив попу психолога взглядом. – Не замечал я раньше Марининой попы, – поймал он себя на мысли. – Или она раньше не носила такой прозрачной юбки? Или это кто-то во мне неравнодушен к подобным частям женской фигуры? Очень странно».

Фирма «Иблис»

– Но это же форменное безобразие. Ваши мамонты носились по тундре, как самосвалы на ралли. Только пятки сверкали. Вы когда-нибудь видели пятки мамонта? К ним подойти было невозможно, а у нас была заказана охота на мамонта с копьями и барбекю из мамонтячьего горба на свежем воздухе. Мы же постоянные клиенты. Я лично убил и съел десяток мамонтов – и никаких неприятностей. А тут их просто невозможно было догнать.

Конечно, у нас были оговоренные риски. Мамонт мог задавить кого-нибудь из особо неуклюжих. Потом над ним все смеялись. Когда лампа догорала, он был живой и здоровый, разве что жареного мамонта не ел. А тут наш лучший охотник Валик ходит на костылях с обмороженной пяткой.

– Простите, это как? – удивился Соломон.

– Это я у вас хотел спросить: откуда взялась эта кошка метра три в длину? Пятнистая, зараза, с огромными клыками. Мы ее не заказывали, но рассмотреть успели, когда на елке сидели. А Валентина эта зараза достала. По деревьям она, видимо, не лазит, хоть и кошка, а вот прыгает очень здорово.

Елки там огромные. Вековые – сказать мало. Мы на них повывлазили и сидим, а этот кот снизу прыгает, хочет достать. Вот с Валика он валенок и стянул, и съесть его пытался. Валенок пытался съесть – голодный, наверное. Недаром тамошние мамонты так быстро бегают.

Сидели мы там долго, а мороз аж трещит. Вот Валик ногу и поморозил.

Я ему говорю: «Надень на ногу шапку или шарф». А он мне, мол, если руки отпустит, нога ему больше не понадобится.

– Значит так, – подытожил возмущенный посетитель, – чтоб мамонты бегали намного медленнее, мороз меньше. И кроме того, мотонарты – три штуки, и на каждой пулемет.

Соломон записал в журнал и стал оправдываться.

– И, конечно, ни каких махайродов. Мы проследим за этим. Он по недоразумению забрел. Все-таки «мамонтовая фауна». Там еще овцебыки бывают и шерстистые носороги, но на этот счет можете не беспокоиться.

– Это вы насчет кошки? – правильно понял латинское имя посетитель. – А вот кошка пусть будет. Хочется мне с ней встретиться. Уж больно елки там колючие, да и лампа горела долго.

– У вас заказ на спецлампу, – напомнил Соломон Давидович.

– Да, конечно, нужно же посидеть у костра, поесть экологически чистого мамонта, пообщаться – так что это нормально, – согласился заказчик. – Ну, так я вам позвоню, когда ребята решат собраться.

– Да, пожалуйста, как всегда, за три дня, и следующая лампа бесплатно от фирмы как возмещение морального ущерба.

Клиент ушел, даже не хлопнув дверью.

«Саблезубый тигр, – подумал тогда Соломон, – совсем охренели джинны. То у них со скоростью мамонтов какая-то ерунда, то не заказанные животные в кадр лезут. Надо написать служебную записку – пусть их там пропесочат».

Записку он тогда не написал, но «ушастому» пожаловался, тот сказал, что примут меры.

А вот теперь Соломон вспомнил главное – обмороженную пятку охотника. Похоже на то, что эти безобразия начались исподволь давно, и только случайность не привела к трагической развязке. Съели бы этого Валика, как пить дать. Одни обглоданные кости нашли бы его дружки в кресле.

Соломон поежился, вылез из своего кресла и прошелся по кабинету.

Фирма «Иблис»

Тут зазвонил телефон. Старый клиент культурно осведомлялся, почему ему вчера не доставили заказ. Он вчера должен был петь в миланской опере вместе с Паваротти. Он так настроился, ведь никогда раньше задержки не было.

Соломон извинялся, заверял, еще раз извинялся. Потом позвонил какой-то жлоб и чуть не матом потребовал неустойку за сорванное удовольствие групповой оргии с товарищами. Переживал, как он теперь перед корешами выглядит.

Соломон поймал его на попытке нецелевого использования и зачитал пункт договора, в котором говорилось о недопустимости угощения посторонних лиц. И клиент заткнулся.

Началась жара. Соломон закрыл окно, включил кондиционер и снял галстук. Настроение портилось, но Соломон утешался тем, что чужого влияния для этого не требовалось.

После этого до обеда было еще несколько таких же звонков неприятного характера, и к обеду Соломон понял, что вся вечерняя партия ламп где-то зависла и клиентам не доставлена. У Соломона возникло острое желание встретить Рафла и задать ему пару наводящих вопросов.

Порыв теплого ветра от окна смахнул со стола Соломона бумагу, на которой он фиксировал жалобы клиентов. На подоконнике, свесив ножки наружу, появился Рафл во всем великолепии блестящих пуговиц и пряжек. Сказав: «Привет!» – он спрыгнул на пол.

– Я тебя слушаю, – насупившись, сказал Соломон вместо «здрасьте».

– С вас причитается, – сообщил ему джинн.

– Смолы горячей вместо плова с бараниной. И вообще, почему ты сегодня такой наглый? Завалил поставку, на нас все клиенты жалуются, а ты тут опять на подоконнике выдрыгиваешься. Опять ноги торчали сквозь закрытое окно – что о нас люди подумают?

– Что люди подумают, то уже подумали – сильно мне интересно! – отмахнулся Рафл, усевшись на стул. – Меня не ругать надо, а хвалить, а может, и премию выдать. Ну, например, пир человек на тридцать и восемь видов плова, и ни одного мусульманина.

– Чего ради? – с пробудившимся интересом спросил Соломон, предвкушая какую-то гадость.

– Я вчера весь день вместо вас вашего гостя принимал. Угощал, развлекал, и все за свой счет. Нельзя сказать, что это было совсем неприятно. Гуль оказался почти моим родственником, даже почти земляком, и вообще, из приличной семьи, но все-таки.

– Излагай свои заслуги и учти, что все будет доложено начальству, – прервал его Соломон и поерзал в кресле, устраиваясь слушать. Даже ручку взял и начал крутить в руках.

– А что говорить? Встречаю я в вашем подвальчике незнакомого гуля. То, что мы почти земляки, потом оказалось. Гуль тот не просто так к нам забрел, а по делу. Дело было, собственно, не ко мне, а скорее к вам. В смысле к вашей компании. Лицензии у него были на двух человек.

– Какие еще лицензии?

– Обыкновенные. Так сказать, карточки на усиленное питание. Это у нас такой вид поощрения. Уж не знаю, за что, но того гуля двумя такими лицензиями поощрили. Вы что думаете, что сейчас любой джинн может любого человека схарчить просто так? Прошли те времена! – Рафл мечтательно улыбнулся, показав на редкость крепкие белые зубы.

– Я что-то слышал о лицензиях. Но к нам-то он зачем? – спросил Соломон, не давая гулю размечтаться.

– Как раз за ними самими. У него лицензия на поедание Пети Пчелкина, что у нас лампы наполняет, а на второе может съесть нашего постоянного клиента Редькина. Видал я эти лицензии. Все честь по чести. И печать.

– А при чем здесь Петя и почему именно Редькин? – не удержался от вопросов Соломон.

– Как они и чем там наверху думают, этого я не знаю, но, думаю, не просто так. Петю я отмазал сам, по своим соображениям, а вот от Редькина гуля отпугнула наша Марина. Она его за клиента приняла! – эта мысль так развеселила Рафла, что он стал хихикать и подпрыгивать на стуле, дрыгая ножками.

– А вот мы сейчас выясним, что там за клиент такой, – сказал Соломон, набирая номер Марины.

Дверь открылась, и в кабинет впорхнула Марина, не ожидая никаких неприятностей. Жестом указав ей на стул, Соломон изобразил глубокомысленный вид и проговорил:

– А скажи, Мариночка, не попадались тебе странные клиенты?

– У нас все клиенты странные.

– Нну, допустим, вчера утром, – продолжил Соломон фразу, не обращая внимания на реплику Марины.

– Как он выглядел? – спросил он у Рафла.

– На меня похож. Одет, конечно, бедненько – провинция все же, а так на первый взгляд – одно лицо.

– Да, да, был такой. Действительно странный клиент, – оживилась Марина, – он еще хотел Редькина съесть.

– Как съесть? – удивился Соломон.

– Так просто – съесть и все. Странный заказик. Самое удивительное в нем то, что, как я поняла, он с Редькиным даже не был знаком.

«А то, что он его съесть собрался, – это не странно? – подумал Соломон. – Нормальная у нас компания».

– А может, и знаком, может, я ошиблась, – продолжала Марина, – но только хотел он этого Редькина непременно убить и съесть. Причем от методов убийства, которые я предлагала из нашего обычного списка, он отказался. А также издева-

тельства над жертвой категорически отвергал, мол, незачем пищу портить.

И знаете, Соломон Давидович, у меня возникло четкое ощущение, что повстречай этот клиент Редькина лично, он бы его за правду убил бы и съел. Может, это сумасшедший был? В самый разгар беседы, когда мы еще ни о чем не договорились, он вдруг ужасно занервничал и убежал.

– Все у него дома! Вам лишь бы напраслину возвести. Очень ему кушать хотелось – вот и сбёг, – прокомментировал Рафл.

– Мариночка, скажи, пожалуйста, а этот клиент хотел съесть именно Редькина, или ему просто захотелось человечинки? – в задумчивости произнес Соломон. – Может быть, ему надо было предложить кого-нибудь другого?

– Я уже собиралась – и слушать не хотел. Только Редькина ему подавай.

– Однако! – подытожил Соломон Давидович. – Что у нас еще плохого на сегодня?

Настроение у него окончательно испортилось.

– У нас вроде больше ничего, а вот в городе только и говорят: бандитские разборки были со стрельбой. Бандиты между собой на яхте разбирались, а потом их ОМОН на берегу перестрелял. И что интересно, с утопленной яхты подняли три обглоданных скелета.

– А ты откуда знаешь?

– Так мне уже три подруги с утра звонили, а у Таньки кум в милиции работает. Кое-что по новостям было.

– Да, Марина, с тобой Интернет не нужен. Ну, спасибо, ты мне очень помогла, иди работать.

Джинны и бандиты

– Да, друг, вижу, что тебе категорически не повезло, – подытожил Рафл скорбный рассказ гостя, – но раз ты попал ко мне в гости, то мой прямой долг угостить тебя на славу. Тем более что ты мой земляк и почти родственник.

– А что, у тебя тоже лицензия есть? – оживился гуль.

– Откуда у нас тут лицензии? За ней к вам ехать надо. А там попробуй получи. Того и гляди, кому-то сам на обед достанешься.

– Это, да! – подтвердил гуль.

– Мы тут как-то сами выкручиваемся помаленьку. Но для тебя у меня есть давно припасенный закусок. Он у меня был подготовлен на какой-нибудь особенный случай. Но любой деликатес может испортиться. Так что, пошли.

Рафл встал, подошел к стене и начал погружаться в нее, как в какую-то довольно плотную, но вполне проходимую массу. После него в стену полез гуль. После их исчезновения поверхность стены немного поволновалась, по ней прошли круги, но скоро она опять приняла солидный и непроницаемый вид.

Скоро гули вышли из ракушечной стены сто лет назад заброшенной катакомбы.

Был абсолютный мрак. Под ногами что-то журчало и хлюпало. Рафл засветился призрачным зелено-фиолетовым светом, осветив заплывшие солью и плесенью стены. Рядом из стены торчала подмытая водой кость какого-то покойного животного.

– Не надо, я и так вижу, – сказал гуль.

– Ну, все-таки ты у меня в гостях, – ответил Рафл, не переставая светиться. – Живу я здесь, как и положено приличному джину, – кругом мерзость запустения. Ну, пошли! Кстати, нас тут все равно никто не видит.

Рафл превратился в слабо мерцающее полупрозрачное облачко, вытянутое на десяток метров в длину, и быстро заскользил по запутанным коридорам и штольням. За ним, не отставая, следовало другое облачко, тоже светящееся, но желтоватым светом.

В конце пути гули опять вошли в стену и, немного поблуждав, попали в шикарно обставленную гостиную богатого особняка. Мягкие кожаные диваны, персидский ковер на полу, огромный экран телевизора, который показывал растянутые по ширине рожи, и напольные китайские вазы выдавали как минимум богатство хозяина. И хороший вкус – если не его самого, то его дизайнера.

На диване за стеклянным столиком сидел сам хозяин – довольно шуплый субъект в синем костюме и с рыжим ежиком на голове. Он отпивал коньяк из большого пузатого фужера, по-

блескивая золотым перстнем на безымянном пальце левой руки. Рядом с ним, словно для контраста, сидел здоровенный детина с красной мордой и в джинсах. Он пил пиво из бутылки и был полностью поглощен происходящим на экране.

Джинны вошли в комнату и уселись на ковер, скрутив ноги калачиками. Люди их явно не замечали.

Какое-то время они сидели молча. Вдруг Рафл громко сказал: «Какая, однако, скотина этот Филимон!».

Никто из людей не обратил на его слова никакого внимания, но рыжий в костюме поставил бокал на столик и заметил, обращаясь к соседу:

– Ты только подумай, какой скотиной оказался Филимон!

– Если так и дальше дела пойдут, скоро все наши бабки станут его бабками, и через полгода мы продадим последний джип, – подсказал Рафл, и эхом откликнулся детина в джинсах.

– Надо его грохнуть, других вариантов нет, – произнес джинн безапелляционным тоном.

Рыжий тут же с энтузиазмом повторил этот призыв, с уверенностью в неотложности этого действия.

– Идея становится материальной, когда овладевает массами, – пояснил Рафл своему гостю.

Сидя на ковре, джинны стали наблюдать, как развиваются события.

Шеф, а в синем костюме был именно он, непрерывно звонил кому-то по мобиле и организовывал мероприятие. При этом он объяснял такую спешку подсказанной Рафлом фразой, что вчера было рано, а завтра будет поздно.

Приехали на джипе трое здоровых парней. Чтобы не встречаться с такими, вечером переходят на другую сторону улицы. Хотя эти ребята пешком по улицам и не ходят. Парни были вооружены, причем двое – автоматическим оружием. После инструктора два джипа с ребятами и джиннами на заднем сидении отбыли в сторону моря.

– И куда это мы едем? – заволновался гуль, крутясь и выглядывая в окна.

– Кто его знает? Инициатива масс, – ответил Рафл, – прогулка перед обедом. Я же тебя приглашал не на охоту, а в ресторан –

если знаешь, что это такое. А там повара, официанты. Названия блюд, опять же, интригуют и что-то скрывают. В данном случае нам подают блюдо под названием «Филимон», и я надеюсь, с приличным гарниром.

Выехав за город, машина устремилась по шоссе, которое почти повторяло береговую черту и уходило прямо на север-восток.

Когда машины поднимались на возвышенность, открывался замечательный вид на залив. Море искрилось на солнце и меняло цвет под проплывающими облаками – бирюзовый на желтоватый. По его поверхности проплывали синие облака с белыми отражениями небесных облаков между ними.

– А вот и Филимон, – вдруг сказал шеф, указав рукой на яхту, стоящую на якоре посередине между берегом и горизонтом. – Саня, далеко еще до твоего сарая?

– Тут еще километров пять – и поворот, – ответил водитель и, прибавив газу, обогнал рейсовый автобус.

Съехав с шоссе, джипы покатались по грунтовой дороге к дачному поселку. Остановившись за старым лодочным сараем, ребята вышли и, отперев большой висячий замок, исчезли в задней двери строения.

Джинны подошли к воде и остановились возле деревянного причала, едва державшегося на ржавых опорах. Видимо, в былые времена все это принадлежало какому-то колхозу или артели, снабжавшей свежей тюлькой рынки Одессы. В сарае когда-то хранились лодки и снасти, да и сейчас вокруг него валялись рваные сети и обломки баркасов. Пахло высыхающей на солнце морской травой и гнилым пропитанным морской водой деревом. Один баркас, последний из оставшихся, лениво почесывал бок о край причала.

Из сарая вышла компания каких-то мужиков в грязных робах и направилась к баркасу. При ближайшем рассмотрении этими задрипанными рыбаками оказались только что приехавшие ребята.

– Пора садиться, – сообщил Рафл, показав на баркас, – самые лучшие места занимать.

– Может, не надо – вода все-таки! – засомневался гуль, но Рафл взял его за руку и решительно потянул к баркасу, приговаривая: – Что ты так перепугался? Баркас не бутылка – улетишь, если захочешь.

Джинны подошли к лодке первыми и уселись на носовую банку.
– Вот сейчас эти жлобы влезут и сядут на нас, – опять забеспокоился гуль, – пусть только попробуют!

– Не сядут они на тебя, и ты их не трогай, а то все испортишь, – раздраженно ответил Рафл, – все идет как надо. Главное не мешать.

Все уселись, и баркас, тарахтя старым мотором, вышел в море.

Яхта Филимона стояла на якоре, и казалось, что потихоньку приближалась.

– Правь правее, – распорядился красномордый советник шефа, – ветер справа – как раз нанесет.

Обойдя яхту, баркас остановился, заглушив мотор в полукилометре с подветренной стороны. Экипаж начал демонстрировать бурную деятельность по ремонту двигателя.

– Ну, это уже неинтересно, – объяснил Рафл, – предлагаю ознакомиться с сегодняшним меню.

На яхте царил дух послеобеденного отдыха. На носу располагалась живописная группа. Мужчина средних лет с солидным брюшком и в длинных голубых трусах лежал в шезлонге под зонтиком и дремал. Возле его ног на цветастых матрасиках загорали две юные нимфы, вся одежда которых состояла из мини-плавок. Два молодых человека крепкой конституции и с рельефной мускулатурой разговаривали на корме.

– С кого начнем? – поинтересовался гуль, как только джинны очутились на палубе. – А вкус у тебя очень даже! – похвалил он Рафла. – Люди свежие и аппетитные – как на подбор. Ну, кроме того, в кресле, хотя и он тоже, с голодухи...

– Погоди, я же тебе говорил, что мы не на охоте. А в ресторане всегда нужно ждать, пока подадут, чтобы аппетит нагулять.

Джинны, не замеченные никем, прошлись по яхте. Гуль мимоходом потрогал девушку за упругую ягодицу и прищелкнул языком. Красавица, не раскрыв глаз, пошевелила сдобными половинками, видимо, решив, что на яхте чужих нет.

Тем временем ял, дрейфуя, все ближе подбирался к стоящей на якоре яхте. Молодые люди на корме с озабоченным видом подошли к борту и стали наблюдать за потугами рыбаков завести мотор.

Баркас несло прямо на яхту.

– Мужики, гребите отсюда – не видите, куда прете? – крикнул один из молодых людей с рельефной мускулатурой.

– Сам гребь, у нас мотор сломался. Думаете, уже и море все ваше!

– Ну, вы, козлы безрогие, достали, – сказал второй молодой человек, подходя к борту с автоматом в руках. – Быстро за весла – и валите отсюда, – и прострочил волну возле самого яла.

Рыбаки сразу затихли и стали что-то сосредоточенно искать под брезентом.

– Вова, пойдь, вытащи якорь, а то действительно столкнемся, – скомандовал стрелявший.

Но не успел Вова отойти от борта, как и он, и его коллега были прошиты несколькими длинными очередями из двух автоматов, которые наконец-то нашли рыбаки под брезентом.

Истерически закричали девочки, вскочил и тут же упал на палубу моментально оценивший ситуацию Филимон.

Вова упал животом на борт, медленно перевалился через него и, сделав кувырок, упал в воду. Его тело начало медленно погружаться, оставляя за собой кровавый шлейф. Возле борта на палубе лежал другой парень, простреленный в четырех местах. Филимон ползком стал пробираться в рубку.

Вскочившие девочки попеременно визжали, пытаясь закрыть руками то грудь, то голову.

Баркас причалил к яхте. Рыжий «рыбак» с автоматом в руке перелез через борт, глянув на лежащее тело, выстрелил ему в голову.

– Филимон, выходи! – крикнул он.

Выстрел из рубки разворотил ему колено – рыжий упал. С баркаса кто-то бросил гранату. Она пробила стекло рубки и взорвалась внутри. Большая часть деталей надстройки, получив свободу, разлетелась в разные стороны.

Филимон лежал на полу бывшей рубки, сжимая револьвер и глядя в небо. Его синие кишки одним концом начинались в разорванном животе, а другим висели на уцелевшем штурвале. «Рыбаки» столпились над телом. Ногу «шефа» перетянули ремнем. Поддерживаемый с двух сторон, он доковылял до рубки и устался на труп своего врага.

– Эх, Филипп Николаевич, а я же хотел по-хорошему, – сказал он. – Отдал бы бабки – и живи себе.

Рыжий еще что-то хотел сказать, но громкий всплеск преврал его речь. Одна из девиц бросилась в воду, пытаясь спастись вплавь. Красномордый «рыбак» поднял автомат и посмотрел на «шефа». «Шеф» кивнул. Дитина перевел автомат на одиночный огонь, прицелился и выстрелил. Фонтанчика не было – пуля попала в затылок пловчихе.

– Да, стрелять ты не разучился, – похвалил его «шеф». – Кстати, а где вторая, зачем нам эти свидетели?

– Ну, это же безобразие! – стал возмущаться гуль, когда первое аппетитное тело – все в филейных выступах и прочей вырезке, стало погружаться на дно. – Сейчас они тут всех перетопят, а остальные поразрывают на куски, – добавил он после взрыва гранаты.

Когда тело пловчихи, от которого у джиннов давно текли слюнки, стало безвозвратно исчезать, гуль окончательно расстроился и заявил, что либо он сам приступит к трапезе, либо перестанут при нем переводить пищу.

– Да, не волнуйся ты так – сейчас эти ублюдки все подадут и уберутся, – успокоил его Рафл.

– И если можно, без этих выстрелов. Я пугаюсь.

– И, пожалуйста, без выстрелов, канонаду тут устроили, – добавил «шеф» и указал на оставшуюся девушку одному из своей команды. – Я знаю, ты стрелять не любишь.

Молодой человек, к которому обратился «шеф», достал из ножен на поясе небольшой двусторонний кинжал и подошел к девушке. Девушку била крупная дрожь. Он отвел ее безвольную руку, которой она пыталась прикрыть грудь, нанес быстрый колющий удар между грудей, проткнув с краю левую. Вынул нож, даже не глянув, повернулся спиной к падающей жертве и полез через борт в баркас, где его ждали остальные подельщики. Баркас отчалил.

– Ну вот, прошу к столу, так сказать, – широким жестом указав на побоище, пригласил Рафл. – Мясо свежее молодое – выбирай.

Гуль сразу забыл все упреки. Глаза у него загорелись красным огнем, на пальцах повыврастали огромные когти, а ногти больших пальцев превратились в острые ножи сантиметров по двадцать.

Рафл удовлетворенно кивнул, видя, что угощение вызывает неподдельный аппетит у гостя, и сам стал преобразовываться в том же роде.

Для начала гуль подошел к трупку молодого человека, уверенным движением когтя вскрыл брюшину и достал печень. Сжав ее в руке, выдавил остатки крови и понюхал. Потом откусил краешек.

– Очень даже прилично – спиртом почти не пахнет. Наверное, спортсменом был.

После такого заявления гуль стал с удовольствием, хрюкая и чавкая, поедать печень. За печенью последовали другие внутренние органы.

– Гуль, ты там не сильно налегай – на другую тушку места не хватит, а она нежней. Я тут тебе оставил кое-что, чего в твоей тушке нет, – тоже хрюкая и откусывая куски от девичьей груди, предлагал Рафл как заботливый хозяин.

– Не бойсь, меня на всех хватит, – разбив голову охранника об колено и выгребая мозги длинным языком, проурчал гуль. – Я тут тебе тоже кое-что оставил, чего у твоей тушки никогда и не было.

Еще минут двадцать на палубе слышались только урчание и треск разгрызаемых костей.

– Ну, кажется, пора, – окинув взглядом почти обглоданные скелеты, сказал Рафл. – В ресторане еще и развлекательная программа полагается для лучшего пищеварения. Давай на берег. Я тут вызвал группу специалистов по общению с нашими кормильцами. Как бы не опоздать.

– Одну секунду, – сказал гуль и скрылся в рубке.

Он действительно вернулся буквально через секунду, неся под мышкой левую руку Филимона. На безымянном пальце этой руки весело отражал солнце большой бриллиант в перстне.

А потом они сидели на обрыве, свесив ножки, и смотрели на море. На берегу возле сарая догорал «мерседес». Стрельба уже утихла. Трупы грузили в спецмашины. Ребята в бронезилетах залазили в свой автобус. Подъехали еще какие-то легковые машины с мигалками.

К яхте, которая медленно погружалась в море, спешил катер, набитый людьми в форме. От катера расходились клином две

волны. Когда они пересекали дорожку из солнечных зайчиков, зайчики прыгали и повисали на ресницах прищуренных глаз гулей.

– Да, угощение было отличное, давно я не получал такого удовольствия, – сказал гуль, зажмурившись и обгрызая последнее мясо с пальцев, некогда принадлежавших Филимону. Перстень, попавший с пальца ему в рот, он покатал за щекой и выплюнул вниз с обрыва. Бриллиант напоследок сверкнул на солнце и закатился под кустик полыни.

– Особенно мне понравилось, когда в черную машину ракета попала – и взрыв! – гуль взмахнул руками, изображая взрыв, чуть не упал при этом с обрыва. – Это ты хорошо сделал, что стражу вызвал – очень мне понравилось!

Тут гулю пришла в голову мысль:

– А ведь эти «рыбаки» могли и не начинать стрельбу по милиции – может, и так прошло бы? Вон, яхта утонула – поди докажи.

– А на что бы мы смотрели после обеда? Я же тебе обещал зрелище. То-то и оно.

Джинны развеселились и стали толкать друг друга в плечо. После очередного толчка джинн слетал с обрыва, делал кувырок в воздухе и опять усаживался на край, свесив ножки, чтобы толкнуть соседа в свою очередь.

Повеселившись, джинны опять уселись на край обрыва, и гуль, о чем-то подумав, сказал:

– Однако ты сильно рискуешь – за управление сознанием, повлекшее множественные жертвы среди людей, без лицензии можно и бутылку схлопотать лет на триста. И будешь смотреть на эти волны, только с той стороны. И не вылезешь. Ты же знаешь – джинны в воде не живут.

– Ну, во-первых, это не факт. Я знаю одного сумасшедшего джинна, который как раз в воде и живет, а во-вторых, я ничем особенно не манипулировал. Главное в нашем деле – выбрать подходящих клиентов. Чтобы само убийство не было для них чем-то отвратительным или вообще невозможным. А далее человека удерживают от убийства эфемерные узы уголовного кодекса и осуждения общества.

На общество в целом и на его представителей таким типам плевать. С уголовным кодексом посерьезней. Но и тут на крючке

мышеловки приманка из соображений – не поймают, вообще искать не будут, в крайнем случае откупимся. Полной уверенности все-таки нет – и это сдерживает. Чуть-чуть.

Вот мы это «чуть-чуть» и убираем. И все начинает действовать. А «чуть-чуть» – не считается!

Конечно, такую компанию еще поискать надо, и такой приятный денек бывает совсем не часто. Но иногда можем себе это позволить. И совсем без лицензии.

Солнце садилось. Тень от обрыва упала сначала на берег, а потом и на море, и даже приглядевшись, на краю этой тени нельзя было рассмотреть две маленькие тени джиннов, сидевших на обрыве.

Фирма «Иблис»

– Да, погуляли вы вчера хорошо, с размахом! – подвел итог Соломон. – Теперь скажи мне, чудо природы, – спросил директор добрым, не предвещающим ничего хорошего голосом, – а куда делся позавчерашний заказ? Все утро звонили клиенты по вчерашней не доставленной партии, но одной дамочке не доставили лампу позавчера. И где она?

– Давидович, это печальная история! Я, спасая нашу честь и репутацию, в неравном сражении чуть не poleg, но весь заказ сохранил, за исключением одной поганой лампочки. А тут опять вместо благодарности негативное отношение и явная нечуткость к персоналу.

Гуль пригорюнился и обнял свинку в шляпке.

– Рафл, не морочь голову! В своих подвалах потом своей подружке свинке рассказывай. Кто на тебя мог напасть в этом городе? Кому ты нужен?

– Как кто? А менты?

Соломон Давидович вспомнил вчерашний визит оперуполномоченных в контору и сразу стал серьезен. «Что-то часто наша деятельность стала пересекаться с милицией», – подумал он. На секунду возникло неприятное чувство, что его окружают. Прошло.

– Рассказывай, – буркнул Соломон и почему-то напрягся в кресле.

– Вот, везу лампы улицей...

– А почему не катакомбой?

– Не везде катакомбы есть, а ваши лампы не во все щели лезут – материальные до безобразия, и масло в них не сжимается.

Везу я лампы в тачечке, в каких в универсамах товар возят, и вдруг ко мне мент, притом прямо бегом. Я понял, что он ко мне что-то имеет, а глаза отводить времени нет. Я бежать. Он кричит: «Стой! Мать твою...». Я за угол, бегу вдоль дома. Побросал лампы на крышу. Пока они летели, я на крышу сбегал, все поймаю и в тачку сложил. Когда мент из-за угла выскочил, ничего уже там не было. Но, видать, я одну лампу там обронил. Выпала, наверное, когда бежал. Чего за мной такую гонку устроили – не представляю.

– Все представим после, – сказал Соломон Давидович, – а теперь посмотрим, что там за заказ был в той лампе. Случайно не охота на львов?

Марина сидела за компьютером, щелкала мышкой и пила чай. По экрану бегали цветные шарики. Когда, пройдя через стену, на полке с умными книгами по психоанализу появился Рафл, Марина еще раз щелкнула мышкой, и на экране появился текст договора. В кабинет вошел Соломон и уселся в кресло с подлокотниками для клиентов.

– Мариночка, – сказал он, – найди нам, пожалуйста, договор номер... и посмотрел на Рафла.

– «528 Б Ф», – подсказал джинн.

Марина еще раз щелкнула мышью.

– В общих чертах, – уточнил Соломон Давидович.

– Заказ от бизнес-дамы, длинной и плоской. Я даже сначала подумала, что это парень. Вот ее заказ.

Марина наконец нашла нужную страничку и процитировала:

«Грудь пятого размера, но чтобы не свисала... Романтическое свидание с молодым графом Нортумберлендом в ее роскошном будуаре в стиле барокко. Граф набрасывается и овладевает... Роскошный бюст в распахнутом пеньюаре отражается в огромном зеркале». Дальше использование груди в любовных играх на восьми страницах. Обыкновенный дамский заказ, мужики еще и не то заказывают.

- Ну, тут, я надеюсь, ничего опасного нет?
- Тут нет. Чистый секс и самолюбование.
Все замолчали. Соломон думал.
- Так ты говоришь, и к Пете заходил твой кореш? – о чем-то интенсивно думая, спросил он.
- Какой кореш? – не поняла Марина.
- Вот этого нашего друга, – кивнул он на гуля. – Мариночка, заказ с грудью надо будет продублировать, извиниться там, уточнить насчет размера или еще чего и отправить.
- Марина закивала, щелкая мышью.
- Идем, поговорим, – сказал Соломон Рафлу и вылез из кресла. Джинн исчез в стене.
- Когда Соломон вошел в свой кабинет, Рафл уже сидел на полочке, удобно опираясь рукой о свинку. Соломон угнезвился в кресле, посмотрел на жизнерадостно ухмыляющегося гуля и спросил:
- А не доставленные лампы где?
- В подвале, у Петьки.
- Сегодня их развезешь. Как тебя поощрять, пусть твое начальство думает. Я доложу. Только, пожалуйста, без побоищ с обглоданными скелетами и горением «мерседесов» или еще там чего. Я думаю, хватит тебе свадьбы в кавказском ресторане с гостями-безбожниками.
- Премного благодарен, – съязвил джинн. – Я на такую свадьбу могу и сам заглянуть. Без вас.
- Угу, а там либо и без тебя таких хватает, и выпрут тебя под зад копытом. Либо будут поминать создателя после каждой рюмки – сам вылетишь. И надо лампы отнести еще сегодня, чтобы пустые к ночи уже у Пети были. А то ему нечего делать будет, и в работе перерыв.
- Большое несчастье, – возразил гуль. У него сегодня было настроение поспорить, а если удастся, то и поругаться с кем-нибудь. – Пусть Петя отдохнет. Все равно ему уже недолго осталось.
- В каком смысле? – хмуро поинтересовался Соломон, очень даже понимая, в каком. После неудавшейся попытки разделаться с Петей он предполагал, что джинны возьмутся за дело сами.
- А грузовичок на люк наехал просто так? Мне ребята кое-что порассказали. А кое-кто в кресле сидел и чай пил.

– Не знаю, о каком ты грузовичке рассказываешь. А Петя жив- здоров, чего и вам желаю.

– Ну, это он здоров только потому, что он нужен в качестве до- мика очень уважаемому джину, что, собственно, я своему коре- шу и сказал.

Тут Рафл вдруг понял, что сболтнул лишнее. Он еще умень- шился и стал впитываться в стену. Соломон его не останав- ливал. Мысль, которая его мучила с утра, начала находить подтверждение.

«Эти гады могут вселиться в любого и держать его под конт- ролем, – думал он, – и если что, не погнушаются убийством. Если взялись за Петю – значит, мне не доверяют. Раз не доверяют и не убили, значит, кого-то подсадили».

Соломону стало сильно не по себе. По плечам поползли про- тивные мурашки. Захотелось не то бежать, не то спрятаться под стол, и сразу стало понятно, что это не поможет.

Соломон подошел к шкафу, достал бутылку армянского конья- ка сорокалетней выдержки, налил себе полную кружку, из кото- рой обычно пил чай, и залпом выпил. Тело окатило жаром. Ему показалось, что внутри у него пискнуло и сжалось что-то восточ- но-мусульманское.

«Так тебе и надо!» – подумал Соломон. После кружки коньяка мысли стали спокойнее и упорядоченнее.

«А могут и убить», – подумал он.

«Вряд ли, – подумал он же, а сам подумал: – Откуда у меня такая уверенность? Может, это не моя мысль? Может, мне ее в голову кто-то привнес? Подсказал, так сказать: а зачем им меня убивать? Вот сдадут ментам – и гайки. И будут во мне жить под охраной».

Соломон налил себе еще кружку, искал в шкафу какой-ни- будь закуски, не нашел и выпил еще половину, поморщившись.

«Так мне и надо, – начала грызть его совесть, ранее заглу- шаемая страхом. – До чего я дошел, интеллигент, учитель русско- го языка, не фарси какого-нибудь, а работаю на подхвате у джи- нов. И теперь занялся организацией убийств. Это свинство, это верх низости, это позор».

Соломон чуть не начал бить себя по щекам.

«Надо как-то избавляться от этого всего и выходить из этого мерзкого положения. Но сначала надо выяснить, не сидит ли во мне какая-нибудь сволочь».

Соломон подумал, что эти слова надо бы написать на бумаге, чтобы никто не подслушал. Потом решил, что все равно подслушают. Так пусть слышат – он сегодня же идет к Крестовоздвиженскому. В подкрепление этой мысли он допил коньяк из кружки, и на душе у него стало легче.

Продолжение следует

